

Τῆ καλλιότη

ΠΡΕΚΡΑΣΗΕΙΣΗ
ΣΒΟΡΝΙΚ ΠΑΜΙΑΤΙ
ΕΛΕΝΥ ΔΥΣΗΕΚΚΙΝΟΥ

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
-----------------------	---

РАЗДЕЛ 1

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>Милена Рождественская</i> . Неизвестный список «Беседы трех святителей» из Архангельской области	7
<i>Лидия Соколова</i> . Прозаическое «Сказание о Мамаевом побоище» и поэтическая «Задонщина»: история взаимовлияния	16
<i>Александр Пигин</i> . Новгород vs Москва в восприятии русского агиографа XVI в.	25
<i>Наталья Савельева</i> . Послания «грешного Агафоника» и публицистика ревнителей древлего благочестия: к проблеме атрибуции	31
<i>Элиза Малэк (Eliza Malek)</i> . Особая редакция «Сказания о вере христианской и жидовской» ...	44
<i>Ирина Лобакова</i> . Царствование Ивана Грозного в оценке переписчика исторической компиляции первой половины XVIII в.	55

РАЗДЕЛ 2

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ XIX ВЕКА

<i>Татьяна Китанина</i> . Пушкин и виселицы: «И я бы мог...»	67
<i>Павел Ключин, Елена Маркасова</i> . По следам Мосье L'Abbé.	75
<i>Элеонора Худошина</i> . «Пиковая дама»: об отсылочном значении формулы «лет шестьдесят назад...»	83
<i>Сергей Фомичев</i> . «Твоя от Твоих!» Сказочники Казак Луганский и Александр Пушкин	91
<i>Павел Михед</i> . Об украиноязычном письме Николая Гоголя в контексте украинско-польского культурного диалога	98
<i>Екатерина Неклюдова</i> . «Записки доктора» Гаррисона: загадка первого медицинского бестселлера XIX века	107
<i>Любовь Киселева</i> . Опасности чувствительности (роман М. Загоскина «Искуситель»)	114
<i>Дмитрий Калугин</i> . Простой сложный человек: искусство характеристики в биографиях середины XIX века.	124
<i>Анатолий Кошелев</i> . «Да, господин Тимофеев — поэт важный...» (Сенковский о Пушкине) ...	133
<i>Кирилл Зубков</i> . Воздвиг ты памятник: парадоксы авторства и субъектная структура стихотворения Н. А. Некрасова «Баюшки-баю»	139
<i>Евгения Строганова</i> . Духовное завещание М. Е. Салтыкова.	146

<i>Майя Кучерская.</i> Анекдот — быль — повесть: к вопросу о литературной эволюции Лескова . . . 154	
<i>Илона Мотейюнайте.</i> Образы монахинь у Лескова 162	
<i>Елена Грачева, Алексей Востриков.</i> Reservatio mentalis, или И. М. Гревс и И. А. Шляпкин в 1899 году 169	

РАЗДЕЛ 3

XX ВЕК: ИСТОРИЯ, ЛИТЕРАТУРА, КИНО

<i>Николай Николаев.</i> После формализма: Р. О. Якобсон и М. М. Бахтин 179	
<i>Сергей Серебряный.</i> Полина Подляшук: неизвестная переводчица письма Льва Толстого к М. К. Ганди 184	
<i>Арина Раннева.</i> Святочный рассказ в русской кинематографической прессе 1910-х гг. 194	
<i>Анна Ковалова.</i> «Ошибка [сердца]» как элемент эволюции раннего русского кино 201	
<i>Михаил Лотман.</i> Слово, побеждающее смерть: ласточкино слово в мифопоэтике Мандельштама 209	
<i>Светлана Кульюс.</i> Поэма М. Цветаевой «Попытка комнаты»: Бетховен — в кругу неназванных персонажей 233	
<i>Сергей Доценко.</i> Поворот к лубку: об игровой природе миниатюры А. Ремизова «У лисы бал» 240	
<i>Дмитрий Равинский.</i> К вопросу о «трамвайном тексте» русской литературы 246	
<i>Юрий Доманский.</i> Ёлка для ёлки: деконструкция тропа как приём конструирования смысла в «Ёлке у Ивановых» Александра Введенского 255	
<i>Алексей Семененко.</i> «Бранный перевод»: об истории одной карикатуры 262	
<i>Борис Равдин.</i> К вопросу о дверных, коридорных, кухонных и проч. кратких записках (Г. Тупицын — Е. Лейланде) 267	
<i>Игорь Сухих.</i> Передумывая столетие (О прозе Д. Гранина) 285	
<i>Александр Белоусов.</i> О стихотворении Алексея Шадринова «Провинциалу» 292	
<i>Светлана Артемова.</i> «Речка Янцзы» в поэзии конца XX века 299	
<i>Светлана Жаворонок.</i> «Тут она бросилась в воду...», или «Бедная Лиза выползает из пруда...» 307	

РАЗДЕЛ 4

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>Марина Костюхина.</i> Три сестры в поисках идеала (не по Чехову) 327	
<i>Ольга Лучкина.</i> Подарок кстати: традиция одаривания детской книгой на праздник Рождества Христово, Новый год и Святую Неделю (по материалам журнала «Звездочка») 335	
<i>Софья Лойтер.</i> Великая игра словом: детская поэзия как особый вид лирики 345	
<i>Андрей Устинов, Игорь Лоцилов.</i> Сказка Даниила Хармса «Во-первых и во-вторых» как субъект и объект 357	
<i>Валентин Головин.</i> «Колыбельная псового охотника» В. Карпова: источники и новации (заметки на полях) 363	
<i>Светлана Маслинская.</i> О «детскости» в «Голубой чашке» А. Гайдара 369	
<i>Александр Степанов.</i> «О двух великих грешниках» Н. А. Некрасова, «Милая девочка Лялечка...» К. И. Чуковского, «Три товарища» С. В. Михалкова: к реконструкции генетических связей 378	
<i>Андрей Устинов.</i> «Опасные связи»: Даниил Хармс в американской антологии советской детской литературы 388	

<i>Инна Сергиенко. От Весны к Виллисе: Светлана в советской детской литературе 1950-х — 1980-х гг.</i>	398
--	-----

РАЗДЕЛ 5

АНТРОПОЛОГИЯ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>Ольга Бодрова, Ирина Разумова. Новогодние ёлки в заполярном академическом центре.</i>	409
<i>Михаил Строганов. Снеговик. Штрихи к портрету</i>	421
<i>Вадим Лурье. Новый год в семейных фотоархивах на примере локального региона Луганской области (Украина).</i>	430
<i>Аркадий Гольденберг. Святочный хронотоп в системе гоголевских универсалий.</i>	440
<i>Владислав Кривонос. Святочный рассказ Лескова</i>	446
<i>Александра Веселова. «Сельской праздник Царства Руссака!»</i> Литературный и театральный Семик конца XVIII — первой трети XIX вв.	453
<i>Анна Некрылова. Елена (заметки об имени)</i>	465
<i>Светлана Толстая. Смерть и тоска в севернорусских причитаниях.</i>	473
<i>Альберт Байбурун. Представления о пустом / пустоте в народной традиции</i>	483
<i>Светлана Адоньева. Помины.</i>	490
<i>Наталья Дранникова. «Кабы не было б колхозов — не было бы горюшка»:</i> частушки о советской власти в рукописи М. И. Романова «Фольклор Устьи (очерки). Пережитки древних эпох в фольклоре и быте северной деревни».	500
<i>Константин Исупов. О русском юродстве</i>	507
<i>Мария Пироговская. О сезонной прозе и социологии неловкости (случай Тэффи).</i>	513
<i>Никита Охотин. Еще раз о Светлане.</i>	526
<i>Илья Утехин. О пьянстве (заметки на полях)</i>	537
<i>Елена Березович, Галина Кабакова. «Невинный камень»:</i> мотив вина в культурно-языковом образе аметиста	545

РАЗДЕЛ 6

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ

<i>Екатерина Белоусова. Яков Иванович Душечкин (1864–1920). Биографический очерк</i>	557
<i>Анна Сенькина. Библиография работ Я. И. Душечкина</i>	577
<i>Екатерина Белоусова. Рослый и филёры</i>	585

РАЗДЕЛ 7

О ЕЛЕНЕ ДУШЕЧКИНОЙ

<i>Татьяна Кобарова (Олейник). О Лене Душечкиной</i>	599
<i>Лариса Манина (Калнин). Моменты памяти</i>	602
<i>Долорес Гофман (Dolores Hoffmann). В мастерской</i>	604
<i>Тамара Зибунова. Несколько ночей в одной постели</i>	607
<i>Михаил Мейлах. Тарту, шестидесятые годы.</i>	609
<i>Светлан Семененко. Элегия.</i>	619
<i>Яков Габович. Лети, моя песня, в сосновую Эльву...</i>	620
<i>Сергей Серебряный. Памяти Лены Душечкиной (1 мая 1941 — 21 сентября 2020)</i>	622
<i>Юрий Сидяков. Мои воспоминания о Е. В. Душечкиной</i>	624
<i>Светлана Кульюс. Из воспоминаний о Лене Душечкиной.</i>	627

<i>Ирина Белобровцева</i> . Последняя и прекрасная могиканка	636
<i>Татьяна Унт (Котнюх)</i> . О Е. В. Душечкиной	640
<i>Эльза Флоренская</i> . Воспоминания о Лене Душечкиной	642
<i>Розвита Флухер (Roswitha Flucher)</i> . Воспоминания о Елене	645
<i>Татьяна Никольская</i> . Встречи с Леной	647
<i>Татьяна Кабинетская</i> . Память жива	651
<i>Милена Рождественская</i> . Просто Лена	653
<i>Владимир Яковлев</i> . Елена Владимировна, энциклопедия «Три века Санкт-Петербурга» и не только	657
<i>Сергей Дмитренко</i> . Хранительница Ёлки	662
<i>Всеволод Багно</i> . Улыбка Лены Душечкиной	671
<i>Галина Пономарева</i> . Воспоминания о Е. В. Душечкиной	675
<i>Марис Меднис</i> . Повезло, если рядом такой человек	678
<i>Анна Ковалова</i> . Под защитой Анны Карениной	680
<i>Яна Агафонова</i> . О Елене Владимировне Душечкиной	682
<i>Ольга Лалетина</i> . О призвании учить профессии учить	685
<i>Татьяна Галашева (Малафеевская)</i> . Семинар Е. В. Душечкиной	691
<i>Сергей Орлов</i> . Вспоминая Е. В. Душечкину: Петрозаводск — Санкт-Петербург	695
<i>Дмитрий Прокофьев</i> . Воспоминания о Е. В. Душечкиной	699
<i>Мария Андрианова</i> . Елена Владимировна	706
<i>Мария Елисеева</i> . Диссертация как воплощение мечты	708
<i>Александр Степанов</i> . Елена Владимировна в Твери	710
<i>Элина Васильева</i> . Та самая	712
<i>Валентин Головин, Марина Калашиникова, Михаил Лурье, Анна Сенькина</i> . Душечкина и мы, или О бабушкином борще, семейных подстаканниках и теплых червяках	715
<i>Гуля Равдина</i> . Тётя Леночка	726
<i>Елизавета Руднева</i> . Письмо Елене Владимировне	729
<i>Дмитрий Сажин</i> . О Е. В. Душечкиной	734
<i>Ольга Титова</i> . Воспоминания о Е. В. Душечкиной	736
<i>Екатерина Белоусова</i> . Мамины ёлки: Зимние праздники в жизни Е. В. Душечкиной	738
<i>Елена Душечкина</i> . Три шуточные поэмы начала 1990-х гг. (предисловие и публикация Екатерины Белоусовой)	755
Список сокращений	765
Аннотации	766
Abstracts	782
Сведения об авторах	797

Майя Кучерская

АНЕКДОТ — БЫЛЬ — ПОВЕСТЬ: К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЛЕСКОВА

1.

В марте 1862 года в артельном журнале «Век»¹ был опубликован рассказ Н. С. Лескова «Погасшее дело»². Это первый полноценный опыт Лескова в беллетристике, до этого он писал публицистические заметки, репортажи, статьи, в том числе основательные «Очерки винокуренной промышленности» (1860). Похоже, Лесков и сам сознавал, что публикация «Погасшего дела» открывает новый этап его литературного пути; во всяком случае, он впервые подписал этот рассказ псевдонимом «М. Стебницкий», который с тех пор стал любимым, Лесков использовал его еще около 10 лет, вплоть до 1872 года.

В «Погасшем деле» рассказывается анекдот о том, как мужики одного дальнего села «Т-й губернии», борясь с засухой, по совету прохожего «грамотея» выкопали из могилы труп пьяницы-пономаря и выбросили его за церковную ограду. Словно в ответ на это магическое действие, дождь и в самом деле полил как из ведра и шел двое суток, в результате водные потоки унесли выкопанное мертвое тело в неведомом направлении. Мужики еще до эксгумации приходили к своему приходскому священнику отцу Алексею и просили его «изничтожить пономаря», то есть выкопать его из могилы, чтобы победить засуху. Отец Алексей, разумеется, в просьбе отказал и объяснил им, что это грех. Мужики его не послушали, а поняв, что труп унесло водой и что преступление их может раскрыться, пришли к батюшке каяться.

Отец Алексей, главный герой рассказа, отправился в губернский город хлопотать о том, чтобы дело о вскрытии могилы и исчезновении покойника замяли. Сначала он попытался поговорить с секретарем консистории, но так и не решился; а затем побывал у помещика, хозяина деревни, который и уладил дело, повелев только собрать с мужиков тысячу рублей, которую, по его словам, необходимо было отдать нужным людям за успешное разрешение казуса.

¹ Подробнее о журнале «Век» см.: Громов В. А. Лесков – сотрудник артельного журнала «Век» // Литературное наследство. Неизданный Лесков. М., 2000. Т. 101. Кн. 2. С. 125–152.

² *Стебницкий М.* Погасшее дело // Век. 1862. № 12. 25 марта. С. 139–143.

2.

Дебютный рассказ будущего классика прошел, кажется, незамеченным, во всяком случае, никакие отклики на него нам не известны. Тем не менее сам Лесков вернулся к этому тексту и через семь лет после первой публикации, в 1869-м году, в сборнике «Рассказы Стебницкого» опубликовал вторую редакцию рассказа «Погасшее дело», который переименовал в «Засуху». Первый вариант оказался значительно переработан. Сопоставление двух вариантов, в сущности, обнаруживает, как Лесков-журналист, Лесков-публицист превращался в Лескова-писателя, что именно менялось в его повествовательной манере, как смещались смысловые акценты в тексте. Этому и будет посвящена наша статья.

В первой редакции рассказ сопровождал подзаголовок «Из записок моего деда» и эпиграф «*Быль – не укор*», с уточнением «Русская пословица»: указание на записки и слово «быль» в эпиграфе, очевидно, призваны были подчеркнуть документальную основу излагаемых событий. Ссылаясь на «записки деда», Лесков, вероятно, имел в виду своего деда по матери, Петра Сергеевича Алферьева: в примечаниях к очерку 1882 года «Борьба за преобладание (1820–1840)» Лесков отмечал, что Петр Сергеевич действительно вел «ежедневные записи всего, по его мнению, замечательного», и среди записанного им встречались «любопытные рассказы»³. Петр Сергеевич Алферьев был управляющим села Горохово, которое принадлежало состоятельному помещику Михаилу Андреевичу Страхову, зятю П. С. Алферьева, женатому на младшей дочери Алферьевых, Наталье Петровне. Именно в Горохово на свет появился и сам писатель, Страхов стал его крестным отцом, а со временем и прототипом нескольких текстов⁴. Петр Сергеевич положил немало сил на сражения с мужицкой верой в порчу, сглаз и колдунов и действительно вполне мог записать и историю о выкопанном трупе как средстве от засухи⁵.

Во второй редакции рассказа подзаголовок о записках деда и пословица «*Быль — не укор*» исчезают. Остальные изменения подчинены той же логике: документальное начало элиминируется, беллетристическое усиливается, рассказ о «деле», излагающий конкретный криминальный случай, превращается в повествование, описывающее универсальные законы российского бытия.

Различия между первой и второй редакцией рассказа действительно достаточно очевидны: во второй повествование заметно беллетризуется, а общий объем нарративной массы увеличивается. В частности, вторая редакция рассказа обретает более четкую структуру: если «Погасшее дело» представляет собой сплошной текст, то

³ Лесков Н. С. Борьба за преобладание (1820–1840) // Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 6. М., 1989. С. 423.

⁴ М. А. Страхов стал прототипом помещика в рассказе «Зверь», князя Сурского в романе «Обойденные» и чудаковатого князя Одоленского в повести «Смех и горе». См.: Кучерская М. А. Лесков. Изд. 2-е, испр. М.: 2021. С. 22.

⁵ См.: Лесков Н. С. Русские демономаны // Лесков Н. С. Русская рознь: Очерки и рассказы (1880–1881 гг.). СПб., 1881. С. 233–234.

«Засуха» разбита на пять отдельных главок. Прибавляется и несколько дополнительных сцен, в частности, финальная, и о ней еще пойдет речь; гораздо более детально прописываются второстепенные персонажи: «серый мужичонка в рваном кафтанишке» — «лицетворение обдерганного крестьянского мира»⁶; остающийся за кадром грозный секретарь консистории Афанасий Иванович, который «лише змея желтобрюхого»⁷; дворовые девушки; сыновья священника; наконец, и вальяжный барин, глубоко презирающий собственных крестьян и приходского священника.

Изменяется и имя главного героя: отец Алексей из «Погасшего дела» в «Засухе» превращается в отца Илиодора — изменение, которое также фиксирует сдвиг от документального повествования к художественному. Священник в первой редакции, вероятно, был списан с реального отца Алексея Львова из села Собакина, который венчал родителей Лескова, крестил их сына, будущего писателя, и потом не раз еще появлялся на страницах его сочинений⁸. Во второй редакции Алексей переименован в Илиодора, что в переводе с греческого означает «дар солнца»: семантика нового имени теперь начинает работать на появившийся во второй редакции символический пласт рассказа. Отец Илиодор оказывается первым в длинном ряду будущих лесковских праведников, также несущих миру свет: два дня он едет в своей неуклюжей тряской тележке в далекий губернский город, чтобы заступиться за мужиков; ласково утешает дворовых девушек, набранных в городской барский дом из того села, где он служит, а затем и двоих своих сыновей, которые учатся в том же городе в семинарии. В конце концов отец Илиодор спасает мужиков от каторги.

Остановимся на сценах общения отца Илиодора с сыновьями и помещиком, существенно расширенных во второй редакции, а также его снах, появившихся только в «Засухе». Эти новые сюжетные элементы связаны именно с отцом Илиодором и заметно углубляют смысл рассказа, превращая его из мрачноватого, но забавного анекдота в многослойный художественный текст.

3.

В «Погасшем деле» отец Алексей возвращается на квартиру, в которой живут его сыновья: «грамматик», то есть ученик второго класса семинарии, и «ритор», четвероклассник. В первой редакции о встрече с сыновьями сообщается следующее:

Домой он вернулся поздненько, погладил белокурую голову спящего сына «грамматика» и поговорил с старшим «ритором» об отце ректоре, о задачках, разрядах и тому подобных учёных вопросах, спросил виновного мужика, поил ли он коней, и затем лёг на белой деревянный диванчик с решетчатой спинкой, а о своём деле — ничего. (...) Каганец погасили, и в комнате все стихло, только за досчатую перегородкою два семинариста долго за полночь бубнили вслух: один из Корнелия Непота, другой Салостия (Погасшее дело. С. 141).

⁶ Лесков Н. С. Засуха. Полное собрание сочинений: В 30 томах. М., 1998. Т.1. С.109.

⁷ Лесков Н. С. Засуха. С. 110–111.

⁸ См.: Лесков Н. С. Русские демономаны. С. 229.

Лесков ссылается здесь на двух известных древнеримских историков, сочинения которых и зубрят мальчишки-семинаристы. Во второй редакции эта сцена подвергается заметным изменениям.

Домой он вернулся поздненько, погладил белокурую голову спящего сына, грамматика, и поговорил со старшим, ритором, об отце ректоре, о задачках, разрядах и тому подобных ученых вопросах... Каганец погасили, и в комнате всё стихло, только за досчатую перегородкою два семинариста долго за полночь бубнили вслух: один отчетливо, с сознанием своего собственного достоинства и достоинства произносимых слов, вырубал: “*Homo improbus aliquando dolenter flagitiorum suorum recordabitur*”⁹, а другой заливчато зубрил: “По-латини Номо, человек, сие звучит энергично, твердо, но грубо; а по-французски человек *л’ом* – это мягко, гибко и нежно”.

Отец Илиодор всё это слушал, слушал и задремал, убаюкиваемый тихим, как бы перепелиным, воркотанием того же семинариста, заучивавшего на сон грядущий: *батю бато* – бить палкою; *батю бато* – бить палкою; *батю бато* – бить палкою (Засуха. С. 112).

Как видим, во второй редакции эпизод ночной зубрежки — развернут, здесь мальчишки не просто учат уроки, они заучивают разную, но равно неясную им абракадабру, никак не связанную ни с их нынешней семинарской, ни с будущей пастырской жизнью. Тем не менее доминанта этой нынешней и будущей жизни понятна: в ней царствует насилие и «бьют палкою».

На каком языке произносится «батю бато», кто это произносит и что это на самом деле значит? Вероятнее всего, это говорит младший мальчик, тот, что «заливчато зубрил» рассуждения о человеке.

Формы «батю бато» отсылают нас к латинскому глаголу *battuo* – бить, избивать. Семинарист мог заучивать основные формы этого глагола. Но если это так, делал он это в загадочном порядке и с искажениями: «батю» – это, возможно, форма прошедшего времени *bat(t)ui* и означает «я избил», *bat(t)uo* – настоящее время: «я избиваю». В таком порядке спряжения латинских глаголов не учат, давняя школьная традиция предписывает заучивать форму первого лица и инфинитив: *amo, amare*.

Можно, конечно, предположить, что Лесков к тому времени, когда писал рассказ, подзабыл гимназические уроки. Хотя как раз с латынью дела у него обстояли не так уж плохо – в начале гимназического учения Лесков получал «четверки»¹⁰, а в экзаменационной ведомости, составленной летом 1846 года, когда он, не переведенный в четвертый класс, покидал гимназию, по латинскому языку у него стояла «тройка», тогда как по алгебре – «единица», по немецкому и геометрии – «двойка»¹¹.

Если допустить, что латынь, пусть и на школьном уровне, Лесков все-таки знал (а уж в каком порядке учат латинские глаголы, он помнил несомненно),

⁹ Дурной человек будет когда-нибудь с прискорбием вспоминать свой бесчестный поступок (*лат.*).

¹⁰ Алексина Р. М. Новое о детских и юношеских годах Лескова: По материалам орловских архивов // Литературное наследство. Т. 101. Неизданный Лесков. Кн. 2. М., 2000. С. 291–292.

¹¹ См.: Государственный архив Орловской области. Ф. 64. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 6 об.–37.

то форма «батью бато», то есть «избивал избиваю», использована им в рассказе совершенно сознательно. Смысл этого соединения прошедшего и настоящего времени вполне прозрачен: битье продолжается и в настоящем, и в прошедшем. Человека (*Номо*) в России били и бьют. Для усиления эффекта Лесков не только трижды устами гимназиста повторяет эту формулу, но и добавляет ей выразительности, переводя ее как «бить палкою», хотя в значении глагола *batuere* никакой палки нет, это значит просто «бить». Но Лескову палка необходима – с ней битье превращается в конкретное действие, к тому же она усиливает ощущение неравенства: это уже не просто драка, в которой участники колотят друг друга на равных, а избивание.

Однако не исключено, что семинарист учит французский язык¹². Хотя это, как и в случае с латынью, очень странный французский. «Бить палкой» на французском — «*battre avec un bâton*», никак не «батью бато».

«Батью» (*battu*) выглядит как форма причастия от французского глагола «бить» (*battre*), соединенное с существительным *bâton* [batɔ̃], «палка», хотя также и «жезл», «посох», то есть атрибут пастора. Но и в этом случае перед нами абсурдное словосочетание, которое невозможно перевести даже как «избитая палка», в таком случае порядок слов был бы другой: не «*battu bâton*» как у Лескова, а «*bâton battu*». Добавим, что по-русски французское «*bâton*» транскрибировалось бы, скорее всего, как «батон». «Бато» же гораздо больше напоминает «*bateau*», что значит «лодка, корабль, судно». Мальчику все равно, «палка» или «корабль», но совсем не все равно Лескову, он играет в тонкую языковую игру, в которой важны, как будет показано ниже, оба значения слова — и «палка», и «корабль».

Все это не изменяет того обстоятельства, что «батью бато», соединяющее причастие и существительное, — все равно бессмыслица. Существенно, что и ложный перевод этого словосочетания, данный в рассказе, — «бить палкою» — звучит не слишком грамотно даже по-русски: так как переходный глагол «бить» требует дополнения, после «бить» необходимо назвать объект избивания. Не исключено, что это отсутствие дополнения тоже имеет значение, таким образом Лесков подсказывает, что в русских реалиях объектом насилия может оказаться каждый, и оставляет в этом месте, условно говоря, пустую строку, в которую можно вписать имя любого.

Как бы то ни было, латынь или французский заучивал несчастный семинарист, именно во второй редакции рассказа сквозь сцену ночной зубрежки со всей отчетливостью проступает ключевая для Лескова тема человеческого достоинства, постоянно, как хитроумно намекает автор, попираемого в России. Латынь и французский внезапно оказываются языками описания российского бытия. Слова, которые повторяют мальчики, описывают мир как поделенный на два полюса: грубый, где человека «бьют палкой», «энергично и твердо», и нежный, где слово «человек» звучит «мягко, гибко и нежно», то есть во Франции, но и во всей просвещенной Европе.

¹² За подсказку обратить внимание на французский язык благодарю Романа Лейбова, а за консультации по французскому языку Марию Божович и Марию Неклюдову.

4.

Образ Франции как средоточия европейских просветительских ценностей и шире — «европейский мотив» — также появляется только во второй редакции рассказа, в разговоре помещика «с розовыми ногтями» и отца Илиодора. В «Засухе» добавляется длинный пассаж о пастырстве, о печальном и забитом положении сельского священника в России, несопоставимом с жизнью пастырей в Европе. Недаром в этой сцене поучает и проповедует отнюдь не священник, а помещик.

– Да; ваше дело их учить, вразумлять, отклонять от всякого подобного вздора и суеверий.

– Точно, точно, точно, — повторял за ним, смиренно сжимая на груди руки, священник.

– То-то «точно»; но наши православные пастыри, верно, больше...

– Пастухи, — подсказал отец Илиодор.

– Что?

– Пастухи, говорю. Вы изволите говорить, что не пастыри-то, так я к этому: пастухи, говорю, сельская бедность... в полевом ничтожестве... пастухи...

Помещик любил великодушничать.

– Пастухи! — сказал он, обезоруженный смирением отца Илиодора. — Еще бы, загнали попа в село без гроша, без книги, да проповедника из него, Фенелона или Бурдалу требовать.

Отец Илиодор только рукою махнул.

– Ну то-то ведь вот и все так у нас: всякий о себе, а до другого дела нет, — этак нельзя. Ткнуть человека, да и действуй! Нет, ты дай мне силу, дай мне снасть, орудие, инструмент дай! Я вас не виною и, выручая мужиков, так сказать, и себя выручаю, а из-за чего? Из эгоизма!

Отец Илиодор только бил в такт головою.

– У немцев, у англичан, им... там... на все... есть инструмент! Пастор — это человек, это член общества, а у нас? Я вас спрашиваю, вы священник, ну, скажите сами, пожалуйста: разве может иметь влияние учитель, стоящий умственно ниже ученика своего?

– Не может, — отвечал отец Илиодор (Засуха. С. 114).

Помещик, конечно, недаром упоминает двух знаменитых французских священнослужителей XVII века: Фенелона и Бурдалу. Франсуа Фенелон — просветитель и воспитатель наследника престола, внука короля Людовика XIV, автор «Приключений Телемака», авантюрного и одновременно просветительского романа о том, как мудрый государь должен управлять своим народом и страной. Луи Бурдалу — один из самых знаменитых французских ораторов XVII столетия, прозванный «королем проповедников и проповедником королей». Тот же помещик говорит, что пастор у немцев и англичан — «это человек, это член общества». Там он пастырь, а в России, как остроумно замечает отец Илиодор, пастух. Однако не так прост оказывается и русский «пастух».

5.

В «Засухе» появляются еще два новых, ключевых для понимания замысла рассказа эпизода: два сна отца Илиодора. Засыпая под бубнеж сыновей, он видит во сне семь тучных и семь тощих коров и смущается, что «сон не по чину»: в Книге Бытия

подобный сон видит египетский фараон, а праведный Иосиф толкует его как предсказание грядущих семи лет изобилия и семи лет голода (Быт. 41:1–35). Погружая своего героя в сон, пронизанный библейской символикой, Лесков, возможно, намекает на его праведность и богоизбранность.

Второе видение посещает отца Илиодора, когда он едет в тележке домой, после того как старик-крестьянин признался ему, что мужики не просто вынули тело пономаря из могилы, но и сделали из содранного с трупа сала свечку и зажгли – тут-то и полил дождь. Отец Илиодор погружается в размышления.

Телеман-сорт, “корабль, погибающий в волнах”, припоминает отец Илиодор и сейчас же впадает в раздумье: что это, однако, такое телеман, телеман... телеман-сорт, где он слышал это французское слово?.. Ах, какая досада: ни за что не вспомнишь! Семинарист ли это учил, или это он сам знал прежде? Да, это он сам знал: вот оно что! – он видел печать, на которой был вырезан корабль на волнах и над ним надпись, которую он вычитал и перевел себе таким образом: телеман-сорт – это «корабль, погибающий в волнах».

Отец Илиодор заснул и, ныряя по кочкам, воображает самого себя кораблем, погибающим в волнах. И как отец Илиодор ни хочет спастись, как он ни старается выбиться – никак не выбьется: за ноги его сцапал и тянет тяжелый, как тяга земная, мучинко с разорванным воротом, а на макушке сидит давешний королевское еруслание и пихает ему в рот красную пробку.

– Вот это, – говорит королевское еруслание, – инструмент, чтобы ты, идучи ко дну, вслух отходной себе не читал (Засуха. С. 120).

Напомним, что появление корабля было подготовлено словом «бато», прозвучавшем в зубрежке семинариста, которое могло означать и палку (*bâton*), и лодку или корабль (*bateau*).

«Телеман-сорт», всплывающий в сознании отца Илиодора, — это, вероятно, искаженная французская фраза *tel est mon sort*, то есть «такова моя судьба». Это еще одна отсылка к французской просветительской культуре, в данном случае образательной, поскольку «корабль, погибающий в волнах» – это, как видим, отнюдь не перевод вспомнившейся герою фразы, а, скорее всего, воспоминание о виденном им аллегорическом изображении тонущего корабля. Тонущий корабль — один из любимых аллегорических сюжетов, лежащий в основе множества европейских эмблем. Лесков совершает сознательную подмену, вступая с образованным читателем в сложную игру.

Тонущим кораблем ощущает себя отец Илиодор. Впрочем, подтекст этого образа еще безнадежнее: такова судьба не только героя Лескова, но и любого сельского священника в России¹³, его ожидают бедность, бесправие, темные мужики, которые никогда не двинутся дальше «королевского еруслания» — так в рассказе назвал своего барина старик-крестьянин, — вот удел любого батюшки из провинции

Эта контаминация (вполне в духе будущего «Аболоня Полведерского») «Бовы Королевича» и «Еруслана Лазаревича», героев двух самых популярных в России

¹³ Ср. Душечкина Е. В. Н. С. Лесков о причинах «печального состояния русского духовенства» // Homo Universitatis: Сб. статей памяти А. Б. Муратова (1937–2005) / Под ред. А. А. Карпова. СПб., 2009. С. 77–79.

лубочных романов, – еще одно указание на предел народных знаний, почерпнутых преимущественно из тогдашних комиксов.

«Королевское еруслание» затыкает пробкой рот своему пастырю не только для того, чтобы тот «вслух отходную себе не читал», то есть раньше времени себя не хоронил, но и потому что не желает слушать его проповеди. Но возможно, в этой жутковатой сюрреалистической сцене скрывался и понятный только близкому кругу намеков автора на печальный конец реального священника Алексея Львова (давшего имя герою «Погасшего дела»): на закате жизни отец Алексей потерял рассудок¹⁴.

Итак, рассказ «Засуха», второй вариант дебютного рассказа «Погасшее дело», написанный семь лет спустя, стал демонстрацией значительно расширившегося спектра писательского инструментария Лескова, включающего психологизацию образов, выявление и прорисовку отдельных типажей, новые нарративные стратегии, в первую очередь, работу с языком, вышедшую на другой уровень. В «Засухе» язык, причем не только русский, но и латынь, и французский, становится материалом для своеобразной тайнописи, ложится в основу диалога с понимающим читателем и в итоге делает идею рассказа намного более объемной и сложной. Не в последнюю очередь именно благодаря языковой игре смысл истории углубился. Параллельно к 1869 году определился и круг любимых тем и вопросов Лескова, к которым он будет обращаться всегда: главная из них — проблема рабства в России, и духовного, и психологического, необходимость просвещения крестьян, а также судьбы духовенства.

Благодаря усложнению образного ряда, появлению символических образов и внутренних рифмовок линейное повествование сделалось многоплановым: анекдот, быль, очерк превратились в сложно устроенную повесть, открытую самым разным интерпретациям. Недаром и вполне эффектное заглавие «Погасшее дело», подчеркивающее частный характер происходящего, сменилось на гораздо более обобщенное «Засуха», допускающее и более широкую трактовку смысла сказанного: во второй редакции речь идет не только об отсутствии дождей, но и о засухе духовной, отсутствии живой воды просвещения и свободы в российской жизни. Сопоставление двух текстов позволило нам зафиксировать траекторию превращения Лескова-очеркиста и публициста в художника и мастера.

¹⁴ Лесков Н. С. Русские демономаны. С. 229.